

Хотя на дойку ушло немало времени, вернуть овцу в овчарню оказалось делом нескольких минут. Открыть калитку, выпустить Сяо Хуа, закрыть засов — и всё.

В загоне воцарилось спокойствие. Четырёхухие овцы, мирно пощипывая скудную траву под снегом или слизывая иней, казалось, напрочь забыли о недавней суматохе. Сяо Хуа стояла в загоне, совершенно не понимая, как ей удалось спастись от когтей хищников. Она и не подозревала, что отныне такие «приключения» станут частью её повседневной рутины.

Потоптавшись на месте, овца тряхнула головой и вернулась под навес к оставшимся ягнтям. Она обошла загон, но, не обнаружив пропавшего первенца, быстро оставила попытки его найти. Двое других ягнят, завидев мать, с радостным блеянием бросились к вымени. У них не было глубоких чувств к исчезнувшему «старшему брату» — напротив, отсутствие лишнего рта означало меньше конкуренции за молоко, а значит, они будут расти крепче. Таков был суровый закон природы.

Впрочем, действительность оказалась куда радужнее, чем овечьи инстинкты.

Тем временем «пропавший» ягненок, уже получивший имя Чуаньчуань, уютно свернулся в теплых руках зверолода. Ци Бай бережно прижимал его к себе, держа в другой руке большую бамбуковую чашу, наполовину наполненную парным молоком. Чуаньчуань послушно лакал угощение, совершенно не проявляя той враждебности, что лесные звери обычно питают к зверолодам. Малыш даже сам доверчиво прижимался к тёплому телу своего похитителя.

Вокруг Ци Бая собралась стайка любопытных детёнышей. Они во все глаза смотрели на диковинного зверя, который совсем их не боялся.

— Это ребёнок Бао Бая? А почему он не зверолод? — спросил Бао Син, задумчиво грызя палец.

Бао Юэ легонько шлёпнула его по затылку:

— Глупый, это же дикий зверь! Откуда у Бао Бая возьмётся такой малыш?

Чжу Я авторитетно закивал:

— Верно. К тому же Бао Бай — леопард, а в нашем племени нет рогатых зверолодов-овец. У него никак не мог родиться ягненок.

Лили, стоявшая рядом, тихонько подтвердила:

— Не мог. Никак не мог.

Несмотря на то что зверолоды сами обладали животной формой, они с рождения умели отличать себе подобных от обычных зверей. Ци Бай принёс ягнёнка к глиняным домам именно для того, чтобы представить его соплеменникам. Он хотел, чтобы все знали: этот зверь неприкосновенен. Иначе в его отсутствие кто-нибудь мог запросто принять Чуаньчуаня за добычу и отправить в котел.

Ци Бай с улыбкой погладил ягнёнка по голове; он уже успел проверить — это был маленький баран.

— Это не мой ребёнок, это мой... питомец. В общем, не вздумайте его есть.

Бао Юэ первой пообещала:

— Не волнуйся, я присмотрю за ним.

— Вот и спасибо тебе.

Поскольку Чуаньчуань только недавно появился на свет, Ци Бай не стал перекармливать его. Когда бамбуковая чаша опустела, он подхватил малыша и направился к горе Черной Горы. На выходе он столкнулся с Шу Линем и Ян Лином, каждый из которых бережно нес по тубусу с молоком. Втроем они зашагали по тропе.

Ян Лин легонько встряхнул свой сосуд и с сомнением спросил:

— Бао Бай, неужели завтра овца снова даст молоко?

В мире зверолодов не знали слова «витамины», но негласное правило — отдавать всё лучшее беременным азверолодам — начало действовать само собой. Как только Ян Ло узнал о положении Шу Линя и Ян Лина, он стал выделять им дополнительные пайки. Вот и сегодня всё свежее молоко, за вычетом порции для ягнёнка Ци Бая, досталось этой паре.

Ян Лин, однако, переживал, не погибнет ли овца от таких манипуляций. Он даже подумывал заморозить молоко в снегу у входа в пещеру, чтобы сохранить его для будущего потомства.

Ци Бай кивнул, поудобнее перехватывая Чуаньчуаня:

— Конечно, даст. Не волнуйся, пока есть ягнята, у матери будет молоко, иначе они бы просто умерли с голоду.

Если Ци Бай правильно помнил, период лактации у овец длился не меньше четырех-пяти месяцев. Этого времени им вполне хватит, чтобы укрепить здоровье будущих мам. К тому же при заморозке свежее молоко теряет часть полезных свойств. Конечно, овцы этого мира могли

отличаться от земных, поэтому Ци Бай и решил провести эксперимент на Сяо Хуа. Если надои упадут, они успеют подготовиться.

Подумав, Ци Бай добавил:

— Когда будете пить, обязательно кипятите его, как мы кипятим воду.

Шу Линь, в отличие от мнительного Ян Лина, беспокоился лишь о вкусе.

— А зачем? — любопытно спросил он.

Ци Бай не знал, как доступно объяснить им существование бактерий в сыром молоке. Зверолоуды и раньше употребляли сырые продукты, и вроде бы никто не жаловался.

— Так будет вкуснее, — нашелся он. — Особенно если проварить его в глиняном горшке. Вашим малышам такой вкус точно понравится больше.

Услышав про «вкуснее», Шу Линь тут же закивал и, добравшись до пещеры, сразу принялся разводиться огонь под горшком. Ян Лин же, поколебавшись, плотно обвязал горловину своего тубуса кожей и зарыл его в сугроб у входа.

Распрощавшись с друзьями, Ци Бай вошел в свой дом. Развернув шкуру, в которую был укутан ягненок, он осторожно опустил его на пол. В комнате уютно потрескивали угли в жаровне, так что за Чуаньчуаня можно было не опасаться.

Ци Бай притащил охапку сухой травы, на которой раньше спал сам, и устроил уютную лежанку у каменной стены. Рядом он поставил две бамбуковые миски: одну с теплой водой, другую — для молока. Скрутив несколько толстых травяных веревок, он поманил малыша:

— Чуаньчуань, иди сюда.

То ли случайно, то ли ягненок действительно почувствовал призыв, но он, забавно наклонив голову, неуверенно зашагал к хозяину. У Ци Бая от этой милой картины едва сердце не растаяло. Потискав пушистую голову, он указал на миски:

— Ты уже поел, так что добавки подожди. А если захочешь пить — вот вода, понял?

Не заботясь о том, понял его зверь или нет, Ци Бай накинул на шею Чуаньчуаню свободную петлю, а другой конец привязал к выступу в стене. Это давало ягненку свободу передвижения, но не позволяло влезть в жаровню или случайно выскочить наружу. В лесу хищники не станут церемониться с питомцем Бао Бая — для тигра или медведя такой кроха будет лишь закуской на один зуб.

Убедившись, что узел крепок, Ци Бай подхватил корзину с инструментами и отправился к соседу. Они с Лан Цзэ заранее договорились сходить к Реке Людоедов за рыбой.

С каждым днем морозы крепили, и ловить рыбу становилось всё труднее. Когда они вышли на лед, на реке не было ни души. Ориентируясь по меткам на берегу, они отыскивали место, где уже рыбачили раньше — старые лунки успели затянуться толстым слоем льда и скрыться под снегом.

Расчистив площадку, Ци Бай аккуратно разложил инструменты. Главная сложность зимней рыбалки заключалась в первом шаге — пробивании льда. Ци Бай протянул Лан Цзэ ручную дрель. Сначала нужно было просверлить узкое отверстие, затем расширить его каменным молотом и зубилом, и наконец — пробить ледяную корку тяжелым шестом.

Лан Цзэ поднял мокрый шест:

— Достали до воды.

— Дай посмотрю.

Ци Бай взял шест и измерил глубину погружения. В прошлый раз лед был около сорока сантиметров, теперь же отметка на веревке сместилась еще на добрую ладонь.

— Лед стал еще толще, — констатировал Ци Бай. Он заглянул в темную воду лунки и нахмурился. — И рыбы, кажется, поубавилось.

Вспоминая осенние косяки, он был уверен, что река могла бы прокормить не только их племя, но и тысячи других людей. Теперь же с каждым визитом улов становился всё скуднее. Это было тревожным знаком. Раньше Лан Цзэ не обращал внимания на такие детали — во время ледостава он выслеживал племя Сишуй, а в остальное время предпочитал охоту в горах.

Зверолюд присел на корточки, внимательно следя за редкими тенями, мелькавшими в глубине.

— Придем через пару дней, проверим еще раз.

— Угу.

Если запасы в Реке Людоедов и впрямь истощаются, им нужно срочно искать альтернативу. Рыба всегда была их главным страховым запасом.

Вернув шест Лан Цзэ, Ци Бай взял большой бамбуковый черпак. Пока Лан Цзэ колот лед, Ци Бай вычерпывал крошево, пока лунка не стала достаточно широкой, чтобы в нее вошла верша. Эту ловушку Ци Бай сплел специально для зимней охоты. Прежние корзины были слишком

громоздкими — прорубать под них огромные полыньи в таком льду было бы сущим мучением. Новая же верша была вдвое меньше и изящнее.

Закрепив приманку, они опустили ловушку в ледяную воду. Благодаря узкому горлышку и широкому основанию рыба легко заходила внутрь, но не могла выбраться. За прочность ловушки Ци Бай не опасался: в отличие от грубых плетеных корзин, эта верша была сделана из тщательно обструганных бамбуковых планок. Гладкая поверхность не давала зубам рыб-людоедов зацепиться и изгрызть прутья.

Они замерли на льду, вслушиваясь в тишину. Оставалось лишь ждать, когда веревка дернется, подавая сигнал о добыче. Из-за того что рыбы стало меньше, им понадобилось больше часа, чтобы наполнить корзину.

Шмыгая носом от холода, Ци Бай присел перед уловом, пересчитывая добычу:

— Рыб-людоедов почти нет, остальные вроде на месте.

Он сказал «вроде», потому что раньше они почти не видели никого, кроме прожорливых хищниц. Ци Бай даже грешным делом думал, что реку прозвали Людоедской только из-за них. Видимо, рыбы-людоеды держались в верхних слоях воды, а когда реку сковал лед, глубоководные обитатели поднялись выше. Среди улова попадались по-настоящему странные, причудливые рыбыны, названий которых Ци Бай не знал.

Когда корзина наполнилась странной добычей, Лан Цзэ вскинул её на спину, а Ци Бай собрал инструменты. Вернувшись домой, он первым делом бросился к лежанке из сена.

Увидев, что Чуаньчуань мирно дремлет, он проверил воду — малыш немного отпил. Ци Бай ласково потрепал его по макушке:

— Подожди немного, сейчас я согрею тебе молока.

Лан Цзэ, наблюдая за всеми этими приготовлениями, спросил:

— Ты что, серьезно решил держать его в пещере?

— Конечно, — ответил Ци Бай, переливая молоко в глиняный кувшин. — Снаружи мороз, Чуаньчуань еще совсем кроха. Один он там просто замерзнет.

— Звери рождены для леса, холод им не страшен.

— Это другим не страшен, у них мамы есть. А у Чуаньчуаня сейчас никого, кроме нас, не осталось.

Ци Бай деловито раздувал угли, не замечая, как Лан Цзэ пристально разглядывает ягненка. Взгляд волка, от которого Ян Ло не раз видел кошмары, на Чуаньчуаня не произвел никакого впечатления. Ягненок, изящно подогнув передние ножки, продолжал полулежать на сене с видом полноправного хозяина дома.

Заметив, что Лан Цзэ подозрительно притих, Ци Бай обернулся. Тот замер с корзиной в руках, погруженный в какие-то свои думы. Ци Бай легонько подтолкнул его в спину:

— Ну чего ты застыл? Давай чистить рыбу. У нас сегодня на ужин будет жареная рыба, мясо с кислыми побегами бамбука и запеченный батат. Должно хватить.

Лан Цзэ послушно поддался толчку и уселся на бамбуковую табуретку. Ци Бай подставил ему импровизированную корзину для мусора из листьев:

— Сюда складывай чешую и потроха, я потом всё вынесу.

Ци Бай водрузил на стол свою гордость — массивную разделочную доску, вырезанную из поперечного спила дерева. Она была твердой и гладкой — куда удобнее каменных плит, которыми он пользовался раньше. Он быстро нашинковал кислые побеги бамбука, нарезал тонкими ломтиками подтаявшее мясо, подготовил лук, имбирь и чеснок, аккуратно разложив всё по краям доски.

К этому времени Лан Цзэ уже почистил четыре небольшие рыбины. Ци Бай взял костяной нож, сделал на тушках ровные надрезы и присыпал их солью с тертым имбирем для маринада.

В пещере горели три жаровни. На одной грелось молоко, на другой стоял открытый глиняный горшок, а на третью Ци Бай пристроил плоский каменный сланец, обложив его со всех сторон клубнями батата.

В горшок плеснули масла, бросили имбирь для аромата, следом отправилось мясо, а в конце — соломка бамбука. Глиняная посуда готовила быстрее каменной, но Ци Бай опасался, что от резкого жара она может треснуть, поэтому не спешил. Когда всё смешалось, он добавил немного горячей воды, накрыл горшок каменной плиткой и оставил тушиться.

Рыба к тому времени уже просолилась. Смазав раскаленный сланец жиром, Ци Бай выложил тушки. Раздалось аппетитное шипение: маринад встретился с горячим жиром, и пещеру мгновенно наполнил умопомрачительный аромат.

Когда рыба покрылась золотистой корочкой, а соус в горшке загустел, Ци Бай расставил на столе плетеные подставки и подал ужин. Румяная рыба, сочное мясо в багряном соусе и нежно-желтые побеги бамбука — один вид этого пиршества пробуждал зверский аппетит.

Лан Цзэ закончил с остальной рыбой, они вымыли руки и уже потянулись к бамбуковым

палочкам, как вдруг Чуаньчуань тоненько блял. Ци Бай тут же отложил приборы:

— Проголодался, малыш? Твое молоко как раз согрелось, пора и тебе обедать.

Поскольку ягнятам кипячение не требовалось, Ци Бай лишь довел молоко до приятного тепла. Проверив температуру пальцем, он налил порцию в специальную миску.

Поставив её перед Чуаньчуанем, Ци Бай ласково прошептал:

— Теперь я буду твоим папой. Кушай хорошо, расти большим, и когда-нибудь мы с тобой станем вожаками всего стада.

Наверное, каждый, кто заводит питомца, чувствует нечто подобное. Ци Бай верил, что их встреча не была случайной. Когда он вошел под навес, он осмотрел всех ягнят, но только Чуаньчуань не испугался, а проявил любопытство. Именно поэтому Ци Бай и выбрал его.

Он нежно погладил мягкую шерстку. Малыш, словно чувствуя доброту, легонько ткнулся мордочкой в ладонь. Ци Бай просиял.

Лан Цзэ слушал этот нежный воркующий голос, смотрел, как ягненок ластится к Ци Баю, и его рука с палочками замерла на полпути. На лице воина отразилась такая смесь обиды и недоумения, которую он и сам вряд ли смог бы объяснить.

<http://bllate.org/book/15816/1441420>